

5. Кутейщикова В.Н. Роман в Латинской Америке XX века // Вопросы литературы, №4, 1972.
6. Киквидзе З. Мифические аспекты пространства и времени в романе Г. Дочанашвили. Журнал «Дискари», №3, 1999 (на груз. яз.).
7. Жулинский И.С. Человек в литературе. Киев, 1975.
8. Литературная газета, 1987, 1 I. Круглый стол «ЛГ».
9. Бочаров А.Г. Литература и время. – М.: , 1988.
10. Литературная газета, 1981. – с. 5; 1986, 15 X.

УДК 821.161.1-82-1”19”

Солошенко-Заднепровская Н.К.
(Харьков, Украина)

АНАЛИЗ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ:

(Д. Самойлов. Свободный стих («В третьем тысячелетии...»))

Стаття присвячена віршу Д. Самойлова, який розглядається у контексті пушкініани поета. Наведено, що форма вільного вірша була обрана для висловлювання думки щодо російської історії, події якої у культурній свідомості представлені як єдиний сюжет.

Ключові слова: історизм, ремінісценція, хронотоп, іронічне зниження.

Статья посвящена стихотворению Д. Самойлова, которое рассматривается в контексте пушкинианы поэта. Показано, что форма свободного стиха была избрана для выражения мысли о русской истории, события которой в культурном сознании представлены как единый сюжет.

Ключевые слова: историзм, реминисценция, хронотоп, ироническое снижение.

The article deals with D. Samoylov's poem, which is considered in the environment of the poet's "pushkiniana". It's demonstrated that configuration of free verse was chosen for expressing thinking about Russian history, which events in cultural consciousness are presented as the whole story.

Key words: historicism, reminiscence, chronotop, ironic decreasing.

Стихотворение «Свободный стих («В третьем тысячелетии...»)» занимает в пушкиниане Д. Самойлова свое место. К моменту его создания он был уже автором «Старика Державина», «Из детства», «Поэта, Пестеля и Анны», «Святогорского монастыря» и других произведений, свидетельствующих о плодотворности и неизменности пушкинской темы в его творческом сознании. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать стихотворение «Свободный стих («В третьем тысячелетии...»)». Лишь в нескольких работах речь заходила о нем, хотя исследователи не предпринимали попыток его целостного анализа.

Стихотворение «Свободный стих», разумеется, интересно как самостоятельное произведение. В наследии поэта есть несколько стихотворений, которые названы «Свободный стих», а в одном из них сконцентрировано отношение к этой форме поэзии:

Свободный стих –
для лентяев,
для самоучек,
для мистификаторов
(когда без точек и запятых).

Но в руках настоящего мастера
он являет
естественную силу речи,
то есть мысли [4 : 268].

Эта поэтическая декларация, на наш взгляд, дает ключ к пониманию и стихотворения «Свободный стих («В третьем тысячелетье...»). Поэт, который полагает, что «Надо быть слишком уверенным / в собственной ценности, / чтобы посметь изъясняться / свободным стихом» [4: 268], именно свободным стихом пишет о том, как будет обращаться с историей «Автор повести / О позднем Предхиросимье» [4: 180].

Ст. Рассадин, который упоминает это произведение в связи с особенностями историзма Д. Самойлова, замечал: «Существует вечный соблазн вопроса, задаваемого как бы истории, а на самом деле себе самому: как могла сложиться судьба народа, если бы... <...> Самойлов не то чтобы спорит с этим “если бы”, его просто занимает другое. <...> Герой “недостовой истории” Самойлова – русская история, какая она есть и какой только могла быть. Или – неуступчивый историзм. Не факты, поддающиеся скептическому пересмотру (у Самойлова есть стихи, пытающиеся предугадать произвольную фантазию автора следующего тысячелетия, и в них Пушкин едет в серебристом автомобиле с крепостным шофером Савельичем во дворец к Петру Великому, а тот угощает его виски с содовой), но дух, реальное существование истории, ее воплощенность в нас, настолько ставшая частью нашего сознания, что сами фантазии на темы истории есть признание ее словно физического бытия» [3 : 65 – 66]. Таким образом, даже самойловская фантазия о том, как проявятся «небольшие сдвиги во времени – / Лет на сто или на двести» должна рассматриваться как признание «физического бытия» русской истории, которая проросла в нас и стала «частью нашего сознания».

В стихотворении создан фантастический сюжет: Пушкин «поедет во дворец / В серебристом автомобиле / С крепостным шофером Савельичем», будет на аудиенции у Петра I, преподнесет ему свои стихи и, выходя, кивнет Дантесу. Временные и исторические пласты, действительно, смещены, а в текст введен пушкинский интертекст, который обогащает значение за счет многочисленных ассоциаций. Уже во второй строфе возникает имя из его «Капитанской дочки», вводимое как образ-символ вечного слуги, вечного безропотного холопа, укутывающего барина в заячий тулупчик.

«Настоящее» время представлено в произведении упоминанием «серебристого автомобиля» с шофером, «негатива постаревшего Пушкина», напитка, который Петр пред-

лагает поэту – «виски с содовой», а также финалом, в котором впечатление будущего читателя сопоставляется с тем, как наши современники рассматривают «евангельские сюжеты / Мастеров Возрождения»:

Где за плечами гладковолосых мадонн
В итальянских окнах
Открываются тосканские рощи,
А святой Иосиф
Придерживает стареющей рукой
Вечереющие складки флорентийского плаща [4: 181].

Конечно, эта картина является своего рода обобщением зрительных впечатлений от полотен эпохи Возрождения, во всяком случае, найти источник одновременного изображения на одной картине «итальянских окон», «тосканских рощ» и «мадонн» довольно затруднительно. Тем более, что св. Иосиф практически не изображался на полотнах светского содержания. Однако можно высказать предположение, что изображение св. Иосифа, находящегося «за плечами» мадонн Д. Самойлов мог видеть в Эрмитаже на картине Якопо Каруччи Понтормо «Мадонна с Младенцем, св. Иосифом и Иоанном Крестителем».

Таким образом, «повесть», в которой Пушкин общается с Петром, так же будет восприниматься читателями нового поколения, как и нынешними зрителями картины эпохи Возрождения, не ощущающие в них реальной исторической подоплеки, не узнающие места, не понимающие значимости той или иной детали.

Время «прошлого» в стихотворении состоит из двух пластов: времени петровского и пушкинского, и это не случайно: Пушкин ощущал свою тесную связь с Петром и посвятил ему немало произведений. В воображаемой встрече Пушкина с Петром все будет выглядеть так:

За креслом Петра Великого
Будет стоять
Седой арап Ганнибал –
Негатив постаревшего Пушкина [4: 180].

Последняя строка отсылает к внешнему сходству поэта со своим предком, интерес к которому у Д. Самойлова был огромным. Он не только упоминает его имя, но специально занимался изучением его генеалогии, о чем свидетельствует, например, написанная им в соавторстве с М. Петровой статья «Загадка Ганнибалова древа» (1988). «Человечество имеет долгую историю, – пишут авторы, – но его представления зыбки. Многие звенья истории, видимо, утрачены для нас. Народоволец Н. Морозов даже считал, что отсутствие достоверных документов перепутало всю историю Средневековья и, может быть, век или два вообще потеряны. Это, разумеется, фантастическое преувеличение. Но если говорить о конкретных исторических лицах, что такие потери неизбежны. И чем дальше в глубь веков, тем больше потерь» [5].

Эти слова предпосланы результатам разысканий о «Ганнибаловом древе». «Большинство людей очень мало знают о своих предках, – пишут Д. Самойлов и М. Петрова.

– Иногда до деда, но не дальше. Даже дворянские роды, у которых были генеалогические древа, не могут утверждать, что счет поколений у них вполне достоверен и что древа эти не фантастичны. Пушкин, как известно, весьма интересовался своей родословной, но мог записать лишь семейные легенды. <...> Наш интерес к Абраму Петровичу Ганнибалу удесятывается тем, что он – прямо предок Пушкина. Но оказывается: крона Ганнибалова древа еще недостаточно изучена. И в ней таятся неожиданности» [5].

В стихотворении Ганнибал представлен именно предком Пушкина, поэт даже дает описание его внешности: «Седой арап Ганнибал», «гортанно произнесет эфиоп», «покашливание старого эфиопа», «улыбнется, / Показывая крепкие зубы / Цвета слоновой кости» [4: 180, 181]. «Белокурый» Пушкин, который «курчавясь, выскочит из кабинета», его радует. Говоря Петру: «Шаркуны, ваше величество», он не удерживается и улыбается в след своему юному последователю.

В стихотворении Д. Самойлова Пушкин преподносит Петру свое «последнее творение»:

И Пушкин протянет Петру
Стихи, начинающиеся словами
«На берегу пустынных волн...».
Скажет царь,
Пробежав
Начало,
– Пишешь недурно,
Ведешь себя дурно, –
И, снова прицелив в поэта рыжий зрачок,
Добавит: – Ужо тебе!.. [4: 181].

Таким образом, Пушкин предлагает Петру прочесть поэму «Медный всадник». Именно этот контекст позволяет пояснить и «положительную» оценку ее Петром, и слова «Ужо тебе!..». Первая пушкинская цитата взята из «Вступления»: «На берегу пустынных волн / Стоял он, дум великих полн, / И вдаль глядел. Пред ним широко / Река неслася; бедный чёлн / По ней стремился одиноко. / По мшистым, топким берегам / Чернели избы здесь и там, / Приют убогого чухонца; / И лес, неведомый лучам / В тумане спрятанного солнца, / Кругом шумел. / И думал он: / Отсель грозить мы будем шведу, / Здесь будет город заложен / На зло надменному соседу. / Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно, / Ногою твердой стать при море... [3: 170]. Обратим внимание, что и Пушкина тоже совмещаются временные пласты: время, когда Петр только задумывал великое строительство, и время пушкинское: «Прошло сто лет...» [3 : 171]. «Ужо тебе!..», как известно, произносит «безумец бедный» Евгений, когда обходил «кругом подножия кумира»:

И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке хладной прилегло,

Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обаянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный! –
Шепнул он, злобно задрожав, –
Ужо тебе!.. [3: 182].

Эти слова Евгения уже получили многократное истолкование. Напомним, как интерпретирует их М. Загидуллина: «Жизнь, трагедия, бунт маленького чиновника Евгения нужны Пушкину для смены оптики изображения города-системы. С точки зрения вечности, процветания России, создание Петербурга более чем оправдано. Но с точки зрения маленького “винтика” этой системы, цивилизация, заранее обреченная на периодические природные катаклизмы (наводнения), по меньшей мере бесчеловечна. Антигуманный смысл Петербургского пространства, затопленного Невой, губящей тысячи жизней простых жителей города, показан в поэме как единственно возможный. Протест Евгения (грозное “Ужо тебе!” в адрес изваяния Петра) – оправданный отчаянием психологический жест, не снискавший авторского сочувствия. Тщательное уничтожение в тексте следов авторской прямой оценки – один из важнейших художественных приемов в <Медном всаднике>, провоцирующий прямо противоположные интерпретации. Петербург не хорош и не плох, он единственно возможен и достаточен в своем существовании. Бунт героя будет неизменно наказан верным стражем Петербурга – его создателем, превратившимся в исполинскую медную фигуру» [1]. У Д. Самойлова, конечно, реализуется не весь пушкинский подтекст этого выражения: оно использовано, скорее, как ироническое снижение. Петр возвращает автору слова его героя, используя их в ином значении. Если у Евгения это был протест, обращенный в будущее и связанный с судьбами Петербурга и самой России, то у Д. Самойлова Петр произносит эти слова, пригрозив молодому поэту за скверное поведение.

Интересно проследить, как смещаются пласты времен и в следующей строфе:

Он отпустит Пушкина жестом,
И тот, курчавясь, выскочит из кабинета
И легко пролетит
По паркетам смежного зала,
Чуть кивнувши Дантесу,
Дежурному офицеру [4: 181].

Имя человека, ставшего причиной личной трагедии поэта и его убийцей, в этом контексте глубоко символично: он только дежурный офицер в покоях Петра. Пушкину, «легко» летящему по залам дворца, еще только предстоит пережить известные читателю события, он еще, по словам Ганнибала, «шаркун», «белокурый внук».

Итак, в стихотворении Д. Самойлова путем смещения временных пластов достигнуто представление о единстве русской истории, отдельные сюжеты которой (правление Петра, творчество Пушкина и его смерть) через столетия будут восприниматься как единый сюжет так же, как мы сегодня воспринимаем как нечто единое многовековую ренессансную эпоху, имеющую совершенно разные черты в разных странах и разных периодах ее развития. Современный зритель и читатель не трудится над тем, чтобы установить хронологию и разобраться в деталях, он воспринимает события, происходившие много веков назад как единое целое. В стихотворении Д. Самойлова петровская эпоха и пушкинское время взяты как бы с точки зрения многовекового будущего, сжимающего прошлое. Но глубоко симптоматично, что это «прошлое» состоит из важнейших для русской культуры имен как кодов: Петр Великий, открывший России Европу, Ганнибал, предок Пушкина и И. Анненского и Дантес, символ убийства великих поэтов. «Свободный стих», таким образом, позволял «настоящему мастеру» передать «естественную силу» его представлений, «мысли» о русской истории. Она находилась в центре его творческих поисков, но эта тема требует отдельного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загидуллина М. Петербург Пушкина, Гоголя, Белого / Марина Загидуллина. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://zagidullina.ru/archives/457>.
2. Пушкин А.С. Медный всадник / Александр Сергеевич Пушкин. Собр. соч.: в 6-ти тт. Т. 3. Поэмы и повести в стихах. – М.: Правда, 1969. (Библиотека «Огонек»). – 532 с.
3. Рассадин Ст. Как вода – в лед / Станислав Рассадин // Литературное обозрение. – 1980 – № 2. – С. 62 – 66.
4. Самойлов Д. Избранное: в 2-х тт. / Давид Самойлов. – Т. I. – М.: Художественная литература, 1989. – 560 с.
5. Самойлов Д., Петрова М. Загадка Ганнибалова древа / Д. Самойлов, М. Петрова // Вопросы литературы. – 1988. – № 2. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://annensky.lib.ru/notes/drevo.htm>.

УДК 821.161.1(091)

*Ленская Е.О.
(Харьков, Украина)*

НЕКРОЛОГИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ В НАСЛЕДИИ Ю. ТЕРАПИАНО

Стаття присвячена особливостям некрологічної статті у літературно-критичній спадщині критика російського Зарубіжжя Ю. Терапіано. Аналізуються прийоми створення некрологічної статті, виявляються притаманні цьому різновиду некролога риси, а також індивідуальні пошуки критика у цьому жанрі.